

УДК 930

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ
«ПУТЕШЕСТВИЯ В СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ С УЧЕНОЙ ЦЕЛЬЮ»
В ДОПОЗИТИВИСТСКОЙ СЛАВИСТИКЕ**

Н.И. Недашковская

Аннотация

В статье рассматриваются структура, роль и место нарратива научных путешествий первых университетских славистов в историографии допозитивистского славяноведения. Анализируется корпус важнейших текстов данного нарратива, ставших источниками идеологом славянского нациестроительства в целом и отдельных «славянских» проектов, созданных интеллектуалами для Российской империи в первой половине XIX в.

Ключевые слова: историческое воображение, научные путешествия, славистика, идеологема, нарратив.

Научное путешествие к объекту изучения, в данном случае – в «славянские земли» Европы, в допозитивистской славистике имеет сложную природу, которая может быть реконструирована во взаимосвязи с методологическими установками славистов. В интеллектуальном проекте славистики как комплекса дисциплин, изучающих славянский мир¹, важнейшей для славистики философской категорией, на которой базировались исследовательские стратегии всей первой половины XIX в., было историческое воображение как универсальная способность человеческого сознания к построению новых целостных образов реальности путем переработки содержания сложившегося практического, чувственного, интеллектуального и эмоционально-смыслового опыта.

Роль воображения в исторических исследованиях различных периодов неоднократно становилась предметом осмысления теоретиков исторической науки [1, 2], однако некоторые ее отрасли остаются до настоящего времени не рассмотренными в этом ракурсе. Такова история методологических штудий допозитивистской славистики: в период методологических изысканий этого рода в славяноведении собственно историческая наука и, в частности, всеобщая история в России еще подходила к стадии профессионализации, то есть славистика была наукой, в полной мере «обращенной на запад».

¹ В нашей работе не рассматривается так называемый «донаучный период» славистики (период до создания собственного метода, до профессионализации науки), выделяемый большинством историков науки, поскольку, по нашему мнению, интеллектуальный проект, ставший основой данной науки, в философском, методологическом плане не имеет ничего общего с так называемым «периодом интереса к истории славян», в котором существовала совершенно иная модель путешествий в славянские земли.

Вслед за немецкими идеалистами, прежде всего И. Кантом и В. фон Гумбольдтом, европейские и российские слависты определяли воображение как познавательную стратегию, дающую возможность связывать воедино «факты» исторической случайности и осуществлять конструирование образов прошлого. При этом европейские слависты использовали эту стратегию преимущественно в эмпирическом поле науки и в публицистике [3, 4], а российским последователям Гумбольдта удалось ввести воображение в методологическую конструкцию комплексного метода сравнительно-исторического исследования славянских языков и культур. В теоретических предисловиях к текстологическим, лексикографическим, этнографическим и прочим трудам А.Х. Востоков и ряд его последователей, принадлежавших к первому поколению университетских славистов, зафиксировали правила исторической реконструкции при помощи воображения, позволяющего работать не только со свидетельствами прошлого, но и с их отсутствием, воссоздавать представления, систему ценностей людей прошлого и т. д. Тем самым в теоретической мысли славистики закреплялась и легитимизировалась роль исследователя как творца или конструктора своего аналитического объекта – славянского мира. Вчувствование, сопереживание, погружение, интуиция – техники, позволившие теоретикам допозитивистского славяноведения «вживить» первичные эмпирические исследования в модель типологического родства славянских языков и культур. И реализованы первыми университетскими славистами эти техники ранее всего хронологически и наиболее последовательно в стратегическом отношении были в феномене заграничного научного путешествия – «путешествия в славянские земли с ученой целью».

Историографический нарратив этих путешествий неоднороден и не может быть расшифрован как текст с линейной логикой и структурой. Это сложная семиотическая система, все тексты которой являются инструментами единого дискурса, в котором интеллектуалы и чиновники постоянно меняются ролями: циркуляры и инструкции министерства народного просвещения, специальные поручения министерства, отчеты путешественников попечителю учебного округа и циркуляры последнего, программы путешествий, научные отчеты и коллекции, а также путевые заметки, дневники, «письма путешественников» и личная переписка. В программах научных путешествий в славянские земли, разработанных первыми профессиональными славистами, присутствует сознательная установка на идентификацию исследователя с тем «Другим», которого предстоит открыть. Это предвосхитило обращение к таким теоретическим проблемам, как нереализованная история, история будущего, проблема ментальной дистанции историка и его объекта (на материале средневековой истории славян), что, на наш взгляд, позволяет говорить о наличии если не метаязыка, то метасознания российской историографической мысли 30–40-х годов XIX в.

В первый подготовительный период по имеющимся источникам и исследованиям отечественных и зарубежных ученых славяноведы знакомились с прошлым и настоящим славянских народов, воспринимали все существующие стереотипы и выстраивали представление о предмете своей науки. В это же время в ходе подготовки проектов диссертаций и учебных курсов складывались основные методологические принципы исследований, а также индивидуальные стратегии будущих научных путешествий с целью непосредственного, практического

ознакомления со славянским миром. Вслед за этим этапом «воображения» своего предмета – славянского мира – происходило столкновение с предметом изучения в ходе путешествия, из которого каждый ученый в соответствии со своими представлениями о славянской идентичности выносил свой особый опыт, особое «знание» о славянском мире. Заключительным этапом становилось обобщение собранной информации, реконструкция предмета исследования в отчетах, а затем и в трудах и курсах лекций.

Путешествия воспринимались как «момент истины», как откровение, за которым необходимо было ехать в неведомые земли, чтобы в итоге оказаться в числе посвященных. При этом каждый исследователь осуществлял свой выбор стратегии путешествия, стиля работы в ходе поездки, и этот выбор оказывался своеобразным интеллектуальным кодом всей дальнейшей деятельности ученого. Здесь же славяновед непосредственно сталкивался и с представлениями властей о том, как следует ему осуществлять конструирование славянского мира. Отъезжающие в славянские земли получали от Министерства народного просвещения четкие установки, касавшиеся маршрута и целей путешествия. Министерство делало акцент на сбор фактического материала для конкретных исследований языков, литератур и т. д., а встречи с европейскими славистами должны были обеспечить трансляцию накопленных ими знаний. Путешественник должен был регулярно представлять отчет о проводимых исследованиях и других занятиях, по результатам отчетов и наблюдений за поведением и направлением интересов ученого в случае серьезных отклонений осуществлялась коррекция его деятельности вплоть до отзыва из поездки [5].

Программа составлялась, таким образом, на основе указаний министерства, но перерабатывалась ученым в соответствии с его видением будущего путешествия и затем утверждалась в том же министерстве. Поэтому каждая из состоявшихся поездок отличалась от всех других. Так, О.М. Бодянский, командированный в славянские земли Московским университетом, поставил целью посещение основных культурных центров славянских земель, в которых можно было ознакомиться с важнейшими памятниками славянской письменности и культуры, то есть его поездка стала путешествием по музеям, библиотекам и архивам. Для П.И. Прейса, стоявшего у истоков славистики в Санкт-Петербургском университете, главным стало изучение славянских языков и литератур в тех областях, где еще не исчезло славянское население. Однако и это путешествие стало «путешествием по славянским столицам», и с языками исследователь знакомился, нанимая учителей в Праге, Вене и т. д. И.И. Срезневский, направленный в путешествие Харьковским университетом, также начал свой путь с Праги, его интересовали, помимо лингвистических, еще и этнографические и фольклорные материалы. Путешествуя по Сербии, Хорватии, Словении, он посещал не только города, но и селенья; прошел пешком места, где можно было освоить говоры славянских языков и познакомиться с народной культурой [6, с. 81–98].

Выстраивая свой проект путешествия в славянские земли, основоположник казанской школы славистики В.И. Григорович опирался на опыт коллег, которые к тому времени уже вернулись в Россию. Повторять путь предшественников уже не имело смысла, поэтому программа Григоровича предполагала трудное по тем временам путешествие по Балканскому полуострову с целью изучения

в первую очередь старославянской письменности и болгарского языка. Посещением культурных столиц славянства исследователь планировал завершить поездку. В плане отмечалось: «Желаю при занятиях лингвистических обращать особенное внимание на языки самых южных словен и преимущественно болгар; при занятиях литературою изучить главнейшие произведения каждой эпохи и при этом не упускать из виду знакомства с историческими событиями в жизни народов. В этом последнем отношении, рассматривая религиозное развитие словен как условие развития их литературы, желал бы вникать в такие памятники, которые, при всей своей важности, не изданы или по редкости не приобретены. Памятники XV и XVI столетий должны занять главное место» [7, с. 27].

В.И. Григорович стал первым ученым, который отважился посетить Болгарию и Македонию, хотя необходимость этого давно осознавалась учеными. П.И. Кеппен прямо заявил об их недоступности. Ю.И. Венелин побывал только на северо-востоке Болгарии. Когда И.И. Срезневский и П.И. Прейс выразили желание посетить эту страну, черногорский владыка сказал им, что это можно сделать лишь в том случае, если имеется в запасе по крайней мере две головы [8, с. 28].

В мае 1844 г. Григорович отправился в путь. Свое путешествие он решил начать с Турции, выбрав маршрут Одесса – Константинополь – Солунь – Афон. За четыре месяца ученый успел осмотреть 2800 греческих и 445 славянских рукописей. Из множества грамот, хранившихся в афонских монастырях, ему удалось снять копии со 120, имевших особенную важность для истории средних веков. Кроме того, он приобрел найденный в монастыре Богородицы один из древнейших глаголических памятников – Мариинское евангелие, Хиландарские листки, два листа пергаменного сборника XIV в., послания Иоанна к папе Клименту, пергаменную псалтырь XIII в., Законник Степана Душана, Житие святого Симеона Сербского и др. После Афона Григорович посетил Охрид, Софию, Шипку, Габрово, Тырново. Путешествие оказалось исключительно трудным. Тем не менее ученый осмотрел еще около 470 греческих и славянских рукописей, собрал много болгарских песен, сделал массу записей о языке и быте болгар, этнографических особенностях страны. Ему принадлежит первое обследование болгарских говоров и их классификация. Он также интересовался постановкой школьного дела и посетил 14 болгарских училищ из 49.

Затем Григорович побывал в Триесте, Дубровнике, Черногории, Хорватии и Сербии, встречался с крупнейшими славянскими учеными и деятелями культуры: Я. Колларом, В. Караджичем, Ф. Миклошичем, Л. Гаем, А. Мажураничем, В. Бабукичем, С. Вразом. Исследователь изучал славянские языки и диалекты, осматривал библиотеки, обращая особенное внимание на рукописные памятники, собирал материал по истории письменности и быта южных славян.

Осенью 1846 г. Григорович прибыл в Прагу, где провел около пяти месяцев. Он поделился с пражскими учеными результатами своих разысканий, выступив с докладом «Свидетельства о славянских апостолах в Охриде», в котором речь шла о двух греческих житиях святого Климента, и в одном из них говорилось об изобретении святым азбуки. Это первое письменное свидетельство о существовании у южных славян двух азбук. Шафартику он оставил материалы о славянских памятниках, записи болгарских народных песен, материалы по топонимии Болгарии. Летом 1847 г. Григорович вернулся в Казань [9].

Таким образом, В.И. Григорович значительно расширил круг источников изучения славянской культуры не только для российских, но и для европейских славистов, посетил земли, ранее недоступные исследователям. При этом он не воспринял роль простого транслятора информации, имеющейся у западных ученых, а выстроил новую для этого этапа стратегию путешествия: от практических наблюдений к репрезентации их в европейском славяноведении. Результаты путешествия стали фундаментом многоаспектного изучения славянских культур с точки зрения их исторического и типологического родства. Кроме того, ученый предпринял попытку выйти из традиционной роли путешественника-наблюдателя. Отказавшись от проводников и переводчиков, временами нанимаясь на работу в местностях, где предположительно могли сохраниться древние памятники или наблюдались интересные языковые факты, нередко рискуя здоровьем и жизнью [10, с. 212], он стремился оказаться внутри чужой культуры. И в итоге В.И. Григоровичу удалось «привезти» из путешествия уже единый славянский мир, существование которого до того времени в науке и культуре утверждалось лишь а priori.

Следующим за путешествиями этапом освоения славянского мира стало фиксирование фактов культуры в Отчетах о путешествиях, а затем построение концепции славянского единства в научных трудах, которые создавались на материалах путешествий. На этом этапе наблюдался разрыв во внешней истории конструирования предмета славяноведения, поскольку власти начали активно воздействовать на процесс «означивания» результатов путешествия.

Можно также утверждать, что важнейшие открытия общеевропейского значения были сделаны российскими славистами именно на этой методологической основе – так было выяснено происхождение церковно-славянского языка, раскрыта тайна юсов, создана историко-генеалогическая типология славянских языков и диалектов, реконструирована средневековая история славянских народов, не имевших на момент их изучения собственного государства. На той же основе Востоковым была создана славянская палеография.

Чрезвычайно важно в связи с этим решение вопроса о «взаимоотношениях» первых славистов с «исторической реальностью», «историческим фактом», историческим источником и текстом. Слависты в полной мере продемонстрировали и значимость источниковой базы исследования, использующего историческое воображение, и те различия между исторической и текстовой реальностью, которые в XX в. будут активно обсуждаться в теории истории. Теоретические введения к исследованиям и курсам лекций славистов философски обосновывают цель реконструкции образа прошлого на основе максимально обширного корпуса источников самых разных типов и в контексте знаний и методик смежных дисциплин, чем объясняется чрезвычайно широкое коммуникативное пространство славистики, «перекрестная» критика текстов источников и общеизвестные конфликты внутри славистики, когда надынституциональное научное сообщество указывало профессионалам на чрезмерный «интерес» к идеологическому значению тех или иных памятников и недобросовестность интерпретации (европейские и российские слависты – В. Ганка, А. Востоков – Й. Добровский, А. Востоков – М. Погодин, Н. Петровский – В. Ламанский и Я. Грот).

Методологическая модель, предложенная А.Х. Востоковым и его учениками, была существенно упрощена и деформирована следующим поколением слависти-

стов – позитивистами, неизбежно эксплуатировавшими воображение в его «усеченном» варианте, преимущественно как способ производства идеологем. Комментарии дисциплины (палеография, текстология, лексикография) сохранили до настоящего времени исследовательские техники, но во многом утратили глубину «романтических» целевых установок в исследовании текстов прошлого. И вполне закономерно, что открытия, сделанные российскими славистами «до позитивизма», остались самыми фундаментальными достижениями этой науки, задавшими направления исследований на два столетия вперед.

Summary

N.I. Nedashkovskaya. The Historiographic Narrative of “The Travels into Slavic Lands for Research Purpose” in Pre-Positivist Slavic Studies.

The article deals with the narrative of research travels by the first University Slavists, its structure and its place in the historiography of the pre-positivist Slavic studies. We consider the major texts of this narrative, which have become the source of ideologems of Slavic nation-building as a whole and separate “Slavic” projects created for the Russian Empire by intellectuals in the first half of the 19th century.

Key words: historic imagination, research travels, Slavic studies, ideologem, narrative.

Литература

1. *Анкерсмит Ф.* История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
3. *Macura V.* Znameni zrodu. Cesko obrozeni jako kulturni typ. – Praha: Ceskoslovensky spisovatel, 1983. – 540 S.
4. *Kulecka A.* Miedzy slowianofilstwem a slowianoznawstwem. Idee slowianskie w zyciu intelektualnym Warszawy lat 1832–1856. – Warszawa, 1997. – 232 S.
5. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 гг. – СПб.: М-во нар. прос., 1902. – 785 с.
6. *Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян.* – М.: Наука, 1988. – 328 с.
7. *Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям.* – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1915. – 256 с.
8. *Срезневский И.И.* Путевые письма из славянских земель. 1839–1842. – СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1895. – 385 с.
9. *Григорович В.И.* Очерк ученого путешествия по Европейской Турции (с картою окрестностей охридского и преспанского озер). – М.: Тип. М.В. Лаврова, 1877. – 181 с.
10. *Петровский Н.М.* Путешествие В.И. Григоровича в славянские земли // Журн. М-ва нар. прос. – 1915. – № 10. – С. 203–261.

Поступила в редакцию
30.11.11

Недашковская Надежда Игоревна – кандидат филологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: N.Nedashkovskaja@mail.ru